

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Том II

СТАВЯНСКАЯ

ИНТЕГРАТИВНО-ЯЗЫКОВАЯ

СИТУАЦИЯ

Н. И. Толстой

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Том II

СЛАВЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1998

ББК 81.2Р
Т 53

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 97-04-16427

Толстой Н. И.

Т 53

Избранные труды, том II. Славянская литературно-языковая ситуация. — М.: «Языки русской культуры», 1998. — 544 с.

ISBN 5-7859-0058-0

Том включает работы акад. Н. И. Толстого по истории славянских литературных языков — от древнейшего периода до новейших опытов создания локальных литературных микроязыков. Рассматривается проблема соотношения языка и культуры, роль языка в формировании этнического и национального самосознания славянских народов; предлагаются типологические критерии классификации славянских литературных языков (как внутренние, собственно лингвистические, так и внешние — историко-культурные); дается сравнительная характеристика двух главных культурных ареалов славянского мира — Slavia Orthodoxa и Slavia Latina. Ряд статей посвящен древнеславянскому (церковнославянскому) языку как общему литературному языку южных и восточных славян эпохи средневековья, его народно-языковой основе, культурным функциям, локальным разновидностям и истории, его соотношению со старославянским языком и его роли в развитии национальных литературных языков и письменности. Подробно анализируется литературно-языковая ситуация южных славян: древнесербский книжный язык XII–XIV вв., жанровая структура древнесербской литературы, славяно-сербский язык XVIII — начала XIX в.; хорватский литературный язык средневековья и литературно-языковой регионализм в Хорватии в XVI–XVIII вв.; опыты по созданию македонского литературного языка в XIX в.; особенности языкового развития в западных регионах южного и восточного славянства и др. В нескольких статьях обсуждаются вопросы истории русского литературного языка в связи с развитием национального самосознания; затрагиваются проблемы культуры речи, текстологии и публикации памятников письменности.

Книга предназначена филологам-славистам и широкому читателю, интересующемуся этнокультурной и этноязыковой историей славян.

ББК 81.2Р

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavc@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

5-7859-0058-0

9 785785 900585 >

- © Н. И. Толстой, 1998
- © А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995
- © В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	7
------------------------	---

Часть I

ГЛАВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

Язык — словесность — культура — самосознание.....	10
Несколько размышлений о славянских литературных языках, литературно-языковых ситуациях и концепциях	22
Slavia Orthodoxa и Slavia Latina — общее и различное в литературно-языковой ситуации.....	30
Кирилло-мефодиевская традиция у славян	43
Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян.....	49

Часть II

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян.....	66
Древнеславянский литературный язык в XII—XIV вв. (его функции и специфика).....	90
Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.).....	102
Старинные представления о народно-языковой базе древне- славянского литературного языка (XVI—XVII вв.).....	148
Языковая ситуация в западных пределах восточного и южного славянства в XVII в.....	174

Часть III

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ У ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Этническое и культурное самосознание сербов в связи с развитием письменности (литературы) и литературного языка в XII—XIV вв.	184
Отношение древнесербского книжного языка к древнеславянскому языку (в связи с развитием жанров в древнесербской литературе)	200
К историко-культурной характеристике «славяно-сербского» литературного языка	212
К вопросу об историографическом слоге сербского («славеносербского») литературного языка.....	229
Литературный язык сербов в XVIII — начале XIX в.	239
Этническое и культурное самосознание хорватов в связи с развитием письменности (литературы) и литературного языка в XII—XIV вв.	345
Регионализм и литературно-языковая ситуация в хорватских землях в XVI—XVIII вв.	360
Страничка из истории македонского литературного языка.....	395

Часть IV

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Язычество и христианство Древней Руси	422
Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца ...	431
Два иностранных свидетельства XVI в. о славянах, русских, о церковнославянском и русском языке.....	440
Взгляды А. Н. Пыпина на историю русского литературного языка (страничка из истории русской лингвистики).....	454
Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников XVIII в.....	464
Вопросы культуры речи в трудах русских лингвистов 20-х годов	483
Новый славянский литературный микроязык?	497
<i>Литература</i>	507
<i>Сокращения</i>	539
<i>Первые издания публикуемых работ</i>	540

От автора

Статьи и материалы, включенные в этот том, написаны в период с начала 60-х гг. и до наших дней. Интерес к теме древнеславянского (церковнославянского) литературного языка вызвала у меня непрекращающаяся в конце 50-х и в 60-х гг. дискуссия о происхождении русского литературного языка. С. П. Обнорский, Ф. П. Филин и др. отстаивали позицию «исконно-русского происхождения» древнерусского и современного русского литературного языка, в то время как академик В. В. Виноградов на IV съезде славистов в Москве в 1958 г. выдвинул концепцию о двух типах древнерусского литературного языка — книжно-славянском и народно-литературном. Применяя эту модель к другим славянским литературным языкам кирилло-мефодиевской традиции, нетрудно было заметить, что подобный книжно-славянский тип можно обнаружить в любом древнеславянском языке мира *Slavia Orthodoxa* и что разница между книжными типами этих языков во многих случаях ничтожна и не может быть сравнима с разницей между книжно-славянским и народно-литературным типом языка. Это побудило меня выступить со статьей «К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян» (1961 г.). Отстаивая церковнославянское происхождение русского литературного языка, я не был оригинален. Такого же мнения придерживались А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба, Н. С. Трубецкой и многие другие. Однако мною сделана попытка, в дальнейшем получившая свое более широкое развитие, придать этой проблеме общеславянский масштаб. Отсюда мое исключительное внимание к древнесербскому книжному языку как к аналогу древнерусского литературного языка.

Май 1996 г.

От редактора. В середине мая 1996 г., за полтора месяца до смерти, в больнице Н. И. Толстой начал диктовать мне предисловие к этому тому. К сожалению, тогда удалось записать только одну страницу. Диктовка была прервана приходом посетителя, а возобновить работу над предисловием уже не пришлось.

Настоящий том — вторая книга Н. И., посвященная славянским литературным языкам. Большая часть публикуемых здесь работ не вошла в книгу 1988 года «История и структура славянских литературных языков». Повторяются в настоящем издании лишь те статьи, которые необходимы для целостного представления авторской концепции.

Статьи были отобраны и сгруппированы в разделы самим автором; ему же принадлежат заголовки разделов и заглавие тома. В этом заглавии отражен характерный для Н. И. интерес к культурно-историческим аспектам и условиям формирования и развития славянских литературных языков.

В подготовке тома к печати принимали участие Н. А. Замятина, М. Н. и А. Н. Толстые.

I

Главные особенности славянской литературно- языковой ситуации

Язык — словесность — культура — самосознание

Четыре компонента, указанные в заглавии, присущи, надо полагать, всем известным нам нациям и этносам, однако речь далее пойдет о ситуации применительно к русскому (великорусскому) языковому, этническому и культурному ареалу. В русских условиях квадриада *язык — словесность — культура — самосознание* существовала и складывалась веками, а смысловое (идейное) наполнение и сущность ее исторически изменялись, притом, что каждый ее компонент существовал и эволюционировал не сам по себе, а в тесной связи и зависимости от трех других компонентов. Это дает нам основание и право рассматривать их одновременно и параллельно, вернее, это даже обязывает нас обратиться к такому рассмотрению.

Эффективность сопоставительно-типологического анализа национального языка, национальной культуры и национального самосознания во многом повышается тем, что структуры перечисленных компонентов или явлений сходны, изоморфны, построены по аналогичному иерархическому принципу. К такому выводу можно прийти, рассматривая компоненты как самостоятельные отдельные единицы, располагая их в «горизонтальном» — равноправном порядке и сравнивая их друг с другом. Если же те же компоненты расположить в «вертикальной» — иерархической последовательности, в порядке соподчинения, то тогда язык можно трактовать как одну из форм культуры и, безусловно, как форму словесности — книжной и устной; литературу — также как форму и компонент культуры, а национальное самосознание — как определяющий показатель и объединяющий стержень компонентов культуры.

Обратимся к структуре каждого из названных в заглавии компонентов.

Современный русский язык, т. е. язык на котором говорят и говорили русские люди в XIX и XX вв., представляет собой достаточно осложненную и в то же время четкую си-

стему «стратов» (или идиомов), т. е. он членится на различные виды языка, которые в целом составляют парадигму функциональных разновидностей языка. В основном эта парадигма четырехчленная:

литературный язык
просторечие
говоры
жаргоны

Доминирующую позицию занимает литературный («стандартный») язык, имеющий наддиалектный характер и обслуживающий не только образованный слой общества, но и литературу. Литературный язык «поливалентен», т. е. функционирует во всех сферах — письменной, устной, разговорной, деловой, художественной. Древнерусский литературный язык подобной поливалентностью не обладал, и круг его распространения был уже.

Просторечие, которое некоторые ученые характеризуют как «полудиалект» (ср. немецк. *Halbmundart*), представляет собой также наддиалектное городское явление, как правило лишенное своего письменного выражения и широкого распространения и потому не поливалентное. Локально ограничены говоры, имеющие в современном русском языке исключительно устное функционирование. К тому же в наше время они все более и более смешиваются с литературным языком и местным просторечием. Наконец, различные профессиональные и социальные диалекты представляют собой еще более замкнутую группу устных «микроязыков» — арго, которая с упадком и почти полным уничтожением ремесленничества сильно сократилась в послереволюционное время, хотя молодежный, школьный, студенческий, преступный и некоторые иные социальные жаргоны продолжают жить и развиваться, оказывая влияние на язык прессы и тем самым на разговорный и отчасти письменный литературный язык.

Разные арго, например язык нищих или торговцев, сурово называли тайными языками, так как они обычно ограничивались узкой средой говорящих, часто заинтересованных в том, чтобы их не понимали другие. Арго можно назвать идиомом или стратом с минимумом валентности, т. е. с самой малой, нередко закрытой сферой функционирования.

Таким образом, в нашей четырехчленной парадигме от литературного языка до арго наблюдается сокращение сферы функционирования от максимума — «поливалентности» до минимума, до узкого круга говорящих. Другой признак, характеризующий компоненты парадигмы, — нормированность — в той же мере сходит на нет в рубрике арго. Убывающие показатели выявляются также, если компоненты оценивать по признакам численности говорящих и территориальной распространенности явления. Таково положение в нашу эпоху конца XX века, хотя еще в начале века оно было иным. Е. Д. Поливанов в 30-е годы писал, что литературный язык («стандартный», «общерусский») — «это внутритерриториальный язык русской интеллигенции, что в одинаковой мере справедливо и для XIX и для XX века, но не для более ранней эпохи XVIII века» (Поливанов, 1931, с. 125). Характерно, что в те же 30-е годы нашего века русские лингвисты Д. Н. Ушаков, Е. Д. Поливанов, Н. Н. Дурново определяли литературный язык как «общий», «в известной степени искусственный» язык (Ушаков, 1925, с. 7; Поливанов, 1963, с. 231; Дурново, 1924, с. 36–37).

Четырехчленная парадигма языковых стратов может быть осложнена и представлена с большим числом компонентов. Так, в виде отдельного составляющего парадигмы можно выделить разговорную речь, или обиходно-разговорный язык, которая у чехов, например, безусловно является отдельным идиомом (стратом). С меньшим основанием и четкостью, во всяком случае для русского языка, обособляется язык фольклора и особенно такие функционально-стилистические варианты литературного языка, как язык художественной литературы, публицистики, юриспруденции, деловой документации и т. п. В известные периоды истории русского языка такие функциональные варианты, как язык права или деловой («приказный») язык, обособлялись более резко, чем в современном языке, однако нужно учитывать, что тогда в парадигму стратов входил и церковнославянский язык, т. е. существовали условия диглоссии или двуязычия.

Не вдаваясь в подробности исторического аспекта структуры русского языка, которые бы увели нас в значительной мере в сторону от основной проблемы, отметим все же, что в предложенной нами и принятой в современной русистике четырехчленной парадигме, безусловно, не хватает еще од-

ного, пятого звена — идиолекта. Идиолект, т. е. речь одного индивидуума, не есть некое понятие или абстракция, необходимая для более строгого структурного и логического построения системы координат, а абсолютная реальность, которую, кстати говоря, младограмматики считали единственной лингвистической реальностью, а диалект, городское просторечие, национальный язык — научной фикцией. А. А. Шахматов свой известный труд «Очерк современного русского литературного языка» начинает с объяснения, что в своем описании русского он исходит прежде всего из своего собственного словоупотребления и делает это на основе «методологических требований», так как «реальное бытие имеет язык каждого индивидуума; язык села, города, области, народа оказывается известной научной фикцией, ибо он слагается из фактов языка, входящих в состав тех или иных территориальных или племенных единиц индивидуумов; между тем число этих индивидуумов представляется неопределенным, исчерпывающее изучение их языка невозможным» (Шахматов, 1941, с. 59).

Современная лингвистика и русистика отказались от младограмматических методологических требований и вместе с ними «за ненужностью» они предали забвению проблеме идиолекта. А между тем идиолект можно сравнить с точкой, в которой пересекаются или к которой сходятся многие координаты языковой реальности. Таким образом, в своих исследованиях лингвист и представитель смежных дисциплин пользуются пятичленной парадигмой:

литературный (стандартный) язык
просторечие («полудиалект»)
диалект
арго
идиолект

Словесность, т. е. искусство художественного слова, также имеет различные формы и виды своего письменного и устного воплощения. Литературному языку в лингвистической парадигме соответствует в парадигме словесности художественная литература, литература книжная, имеющая на Руси, в России тысячелетнюю историю. Просторечию же соответствует так называемая «третья словесность», или народно-городская литература, лишенная, в отличие от художественной, элитарного характера, но бытующая в письменной, а не в устной форме. Устная словесность — фоль-

клор — занимает то же место в парадигме, что и диалекты в языковой системе стратов. Фольклор в принципе всегда диалектен, вариативен и не нормирован. Он так же, как и говоры, имеет лишь одну, устную форму. Подобно литературе, фольклор обладает системой жанров, однако эта система отлична от литературной, ей присуща большая устойчивость, привязанность к традиции, тесная связь с обрядовой сферой. Наконец, особый, не связанный с народной, крестьянской средой «фольклор» — тюремный, школьный, студенческий, занимает ту четвертую параллель в парадигме, которая в лингвистической последовательности стратов отведена для арго, для жаргона. Отдельное авторское произведение (или авторское творчество) соотносится с идиолектом.

Таким образом, парадигма словесности (литературы и фольклора) выглядит следующим образом:

художественная литература
 народно-городская литература
 общенародный фольклор
 социальный фольклор
 литературное или фольклорное творчество индивида

Первые два компонента относятся к письменной (книжной) словесности, вторые — к устной; творчество индивида может быть письменным или устным.

Некоторого пояснения требует народно-городская, или «лубочная» литература, или «третья» словесность. Ее выделение в отдельную совокупность письменных произведений редко практикуется в русском литературоведении, а входящие в ее состав произведения и памятники XIX в. и начала XX в. в наше время почти не изучаются. Между тем в польской и хорватской исследовательской традиции ей уделяется серьезное внимание. Хорваты эту литературу называют *pučka književnost* в отличие от фольклора, который называется *usmena književnost*.

Известная хорватская фольклористка Мая Бошковиц-Стулли посвятила проблеме соотношения фольклора (устной словесности) и народной литературы (литературы для народа, народной книжной словесности) серьезное исследование (Bošković-Stulli, 1973), в котором она обрисовала ситуацию в Германии, во Франции и в западно- и южнославянских странах, а также коснулась вопросов фольклористической и литературоведческой терминологии, относящейся к народному, устному, и книжному (письменному) творчеству. В этом

плане интересен и первый том фундаментальной семитомной «Истории хорватской литературы», изданный в 1978 г. и состоящий из двух самостоятельных исследований: первая часть М. Бошкович-Стулли — «Устная литература» (*Usmena književnost*) и вторая часть Д. Зечевич — «Народная литература» (*Pučka književnost*), так как в нем проведено разграничение двух упомянутых видов творчества на большом и конкретном материале (*Povijest*, I). Болгарская «народная литература» XIX в. и начала XX в. кратко описана немецкими исследователями К. Рот и Ю. Рот (*Roth*, 1984). Польские ученые серьезно занимались «третьей» культурой и «третьей» литературой. Результаты их исследования и собственные интересные наблюдения изложила В. В. Мочалова в своей книге о народно-городской литературе Польши XVI—XVIII вв. (Мочалова, 1985). В русском литературоведении конца XIX в. и начала XX в. ей уделяли серьезное внимание такие ученые, как Н. С. Тихонравов, Л. Н. Майков, В. В. Сиповский, А. А. Веселовский и В. Н. Перетц, а в середине 20-х годов нашего века по поводу народной литературы акад. Ю. М. Соколов писал, что «постоянное взаимодействие всех трех начал — народной литературы, народной словесности и литературы образованных классов обуславливает собой многие фазисы литературного развития, например, в России, в XVIII в.» (Соколов, 1925). Подобно просторечию, адаптировавшему по своим меркам литературный язык, народно-городская, или «лубочная» литература приспособлявала ряд произведений, сюжетов и тем элитарной литературы к народным представлениям и мещанским вкусам Никольской улицы.

О роли творчества индивида в словесной (литературной) парадигме много говорить не приходится, ибо она совершенно очевидна и весьма значительна для элитарной (художественной) литературы, но менее или даже мало характерна для второго, третьего и четвертого компонентов рассматриваемой парадигмы — для «лубочной» литературы, фольклора и социально-городского фольклора. При утвердившемся в науке взгляде на фольклор как на коллективное творчество все же остается проблема отдельного сказителя или певца, его репертуара и способа исполнения текста, его семейной традиции.

Наконец, подобно тому как лингвисты различают отдельные виды и типы литературного языка (деловой язык, язык